

Владимир Келер

БРАСЛЕТ ИЗИДЫ

I

— Леша, видишь, по второму ряду проходит высокий господин, — кто это? Ты ведь всех почти знаешь.

— Это — Петров, Евгений Семенович. Его что-то давно не было видно. А почему ты обратила на него внимание?

— Помнишь, я тебе рассказывала о том, что случилось на прошлой неделе в театре? Ну ты, конечно, забыл. Мне почему-то кажется, что в этом скандале замешан Евгений Семенович... Познакомь меня, пожалуйста, с ним.

— Евгений Семенович — и какой-то скандал? Это, дорогая, несовместимо; да в чем же дело?

— Ты ужасно мало обращаешь внимание на то, что я тебе говорю, Леша, — обиженным тоном проговорила Ольга Платоновна.

— Ну не сердись, милая, а Расскажи мне еще раз, что случилось.

— Да вот: шло представление. Все было тихо. Вдруг дама, сидевшая в креслах рядом с Петровым,

поднялась с места и, напевая что-то, пошла, шатаясь, по проходу. Все так и замерли, ожидая, что будет дальше. Пройдя несколько рядов кресел, дама остановилась, с удивлением оглянулась вокруг, сильно смутилась и упала в истерике на пол. Ее вынесли из партера.

— Что же тут особенного? Просто нервная особа.

— погоди, не перебивай. Минуты через две стоящий теперь у рампы вон тот толстый господин — а сидел он тоже около Петрова — тоже поднялся с места, протянул руку вперед, точно желая остановить кого-то, потом вскрикнул и хотел бежать. Его привел в себя барон Толь в увел из театра. За ними ушел и Петров... А кто же такой этот Петров?

— Очень богатый человек; говорит, служит в министерстве иностранных дел. Я с ним раньше часто встречался.

— Так познакомишь? Знаешь, приведи его в следующем антракте к нам в ложу.

В антракте Алексей Иванович отправился в фойе и вернулся, ведя под руку Евгения Семеновича.

— Моя жена, Ольга Платоновна. А вот тебе, Оля, и новый кавалер, — представил он жене немного сконфузившегося Петрова. — Моя жена ужасно любит, чтобы за нею ухаживали, а вы,

кажется, мастер на это. Займитесь-ка, а мне нужно еще поймать одного знакомого.

Алексей Иванович вышел.

Ольга Платоновна, очень опытная в обращении с поклонниками, немедленно завела ничего не значащий разговор, а потом незаметно перевела его на случай в театре.

— На днях мне говорил Толь — вы знаете барона? — что его толстый приятель сам был очень удивлен тем, что проделал, и уверяет всех, что был под влиянием кошмара. Ему казалось, что он находится около какого-то храма и останавливает толпу... Ужасно странно! Что вы на это скажете?

— Меня больше поразила дама. Ее слезы так на меня подействовали, что я сейчас же ушел из театра. Потом, кажется, ничего не случилось?

— Ничего. Я видела, как вы уходили. Истерика производит всегда неприятное впечатление. Вы были так бледны, что на вас все смотрели и давали вам дорогу. Как все это странно! Мне муж говорил, что за последнее время вас нигде не видно. Что это вы на себя напускаете? Вы были за границей? Где же? В Египте? Как интересно. Заходите, пожалуйста, к нам — я принимаю по воскресеньям... А знаете, приходите лучше в четверг, запросто, к обеду, мы обедаем в семь; у нас никого не будет, и вы мне расскажете о вашем путешествии. Хорошо?

— Спасибо, непременно приду.

— Кстати, чем это вы душиетесь? Знакомый запах, — улыбаясь, перебила его Ольга Платоновна. — Никак не могу вспомнить название.

Для прояснения памяти она потерла лоб и вопросительно взглянула на собеседника.

Евгений Семенович не отвечал.

— Что-то удивительно знакомое, — говорила с расстановкой Ольга Платоновна. — Где это так пахнет?.. Да, да, я вспоминаю... большой храм... идет какое-то служение... горят лампы... дымят курильницы... играют арфы... где-то поют... Со мной делается что-то странное... Боже, мне нехорошо! Извините меня... Где муж? Сходите скорее за ним, надо ехать домой...

Как только Евгений Семенович вышел, Ольга Платоновна пришла в себя и сказала вошедшему встревоженному Алексею Ивановичу, что все прошло.

— Ужасно душно сегодня в театре... Какой милый этот Евгений Семенович. Я его звала к нам обедать в четверг. Ты, кажется, обедаешь дома? Знаешь, у него что-то странное в глазах. Сколько ему может быть лет?

Алексей Иванович улыбнулся:

— Тебе-то не все ли равно?

— Конечно, все равно; на вид он очень молод, а в глазах у него такое выражение, будто ему лет

сто и даже больше. Мне кажется, что я его где-то видела, когда была еще девушкой.

Хотя Ольга Платоновна и заявила мужу, что чувствует себя прекрасно, но она часто вздрагивала и пожимала плечами.

Вернувшись домой, Ольга Платоновна долго перебирала в памяти всех знакомых, стараясь вспомнить, где она раньше встречала Евгения Семеновича.

— Положительно я его где-то видела, или он мне кого-то напоминает, — говорила она мужу, уже лежа в постели. — А душитесь он чем-то знакомым, но чем — не могу вспомнить; пахнет чем-то смолистым.

— Ладаном, вероятно, — сон пробормотал Алексей Иванович.

— Ха-ха-ха, ладаном, — засмеялась Ольга Платоновна. — Но ведь ладаном курят только в церкви, им не душатся... Ага, вспомнила: знаешь, Леша, чем пахнут духи? Миром, которым помазывают в церкви... Да, да, но к нему еще что-то прибавлено.

— Спи пожалуйста, Оля, — пробурчал недовольным голосом заснувший было Алексей Иванович.

II

Евгения Семеновича почему-то влекло к Ольге Платоновне, и поэтому, несмотря на то, что он за последнее время нигде не бывал, он явился в четверг к обеду.

В конце обеда разговор коснулся происшедшего в театре.

— Не понимаю, как это вас может так долго интересовать истерика какой-то дамы? От духоты в театре бывают и обмороки, а истерика — явление вполне естественное, в особенности в наше время, — проговорил самоуверенным тоном Алексей Иванович.

— Быть может, ты и прав, Леша. Помнишь, со мной прошлый раз в театре от духоты случилось что-то странное, вроде какого-то обморока. Я даже думала, что захворала. Но, по-моему, есть случаи, которые не всегда можно объяснить нервами. Пойдем, однако, в кабинет. Там, кстати, и камин топится. Вы, вероятно, курите, Евгений Семенович?

Перешли в кабинет и расположились в креслах возле камина.

Подали кофе. Мужчины закурили сигары. Ольга Платоновна смотрела на раскаленный кокс в камине и о чем-то думала. Все сидели молча.

— Однако, жарко, — проговорил Алексей Иванович и перешел на диван.

— Какие это у тебя сигары, Леша?

— А что?

— Страшно ароматичные, но запах совсем не сигарный.

— Что ты, милая. Сигары как сигары. Впрочем, это новый сорт — я взял сегодня на пробу и не ручаюсь за их достоинство. Вы что скажете, Евгений Семенович?

— По-моему, сигары недурны, хотя действительно чересчур ароматичны... Вероятно, это...

— Ты, Оля, права, — перебил вдруг гостя Алексей Иванович. — Запах этих сигар совершенно необыкновенный... Да интереснее всего, что этот странный запах идет от сигары Евгения Семеновича... Пойдем-ка лучше в гостиную — здесь очень накурено.

Ольга Платоновна поднялась с кресла, но сейчас же опять села и схватилась руками за виски.

— Леша, дай скорей воды, со мной делается то же, что в театре!.. Охота вам курить сигары...

Алексей Иванович бросился было в столовую за водой, но остановился.

Вся комната быстро наполнилась дымом, который совершенно окутал Евгения Семеновича.

Он делал невероятные усилия, чтобы отодвинуться от разгоревшегося камина, но не мог пошевелиться.

— Евгений Семенович, вы, кажется, горите! — воскликнула Ольга Платоновна. — Смотрите, над вами свет... голубой свет... Леша, гляди, гляди... в свету женщина... она грозит пальцем Евгению Семеновичу... она идет ко мне... она мне что-то говорит... Боже, она меня целует... Леша, Леша, она меня обнимает!.. Вот ужас, она проникла в мое тело!.. Ой, сердце!..

Ольга Платоновна что-то еще проговорила, прижала руки к груди и смолкла.

Алексей Иванович стоял среди комнаты совершенно растерянный, — его что-то приковало к полу.

Через несколько секунд Ольга Платоновна опять заговорила, но совершенно другим голосом:

— Готек, сейчас кончится пение, мне надо начинать...

Она вся потянулась и заложила руки за спину.

— Почему не слышно кемкема? Что это арфы так тихо играют? Готек, прикажи играть скорее! Вот так...

Ольга Платоновна совсем преобразилась: серые глаза ее потемнели, ноздри расширились и, поднявшись с кресла, она, плавно покачиваясь, двинулась на середину комнаты, протянула вперед руки и начала танцевать.

— Готек, скорее, скорее! — время от времени говорила Ольга Платоновна и стала метаться по комнате из стороны в сторону.

Временами она останавливалась, нагибалась и что-то поднимала с пола.

Хозяин и гость смотрели на нее безмолвно, — они оцепенели от неожиданности. Евгений Семенович изо всей мочи сдавил пальцами ручки кресла, словно боясь, что и его сорвет с места сила, овладевшая Ольгой Платоновной. Глаза его горели; губы шевелились, как будто он беззвучно подпевал танцу.

Вот Ольга Платоновна закружилась на месте, волосы ее распустились и, как змеи, обвилились вокруг тела.

Вдруг в комнате раздался треск. Она вздрогнула и остановилась. Кто-то жалобно вскрикнул.

Дым сразу рассеялся, и все очнулись.

Хозяева дома растерянно глядели друг на друга.

Евгений Семенович, разорвав левый рукав рубашки, старался снять с руки браслет. Лицо его было страшно бледно.

— Что с вами? — бросился к нему Алексей Иванович.

— Ради Бога, не мешайте! Дайте скорее холодной воды!

Алексей Иванович быстро принес воду.

Евгений Семенович выхватил у него из рук стакан и опустил в него снятый с руки золотой обруч. Из обруча вывалилось несколько кусочков голубого камня.

Евгений Семенович вынул браслет из стакана, посмотрел на него, нахмурился и молча стал прощаться с хозяевами. Он был очень расстроен.

— Куда вы? Что с вами? Да вы совсем больны! Взгляните на себя в зеркало! Мы вас не выпустим! Оставайтесь и объясните, что все это значит! — говорили смущенным голосом Ольга Платоновна и Алексей Иванович.

Евгений Семенович что-то пробормотал и сел к столу.

Он имел такой удрученный вид и так печально смотрел на Ольгу Платоновну, что она, хотя и была сама взволнована происшедшим, подошла к мужу и шепнула:

— Леша, выйди в другую комнату, я постараюсь его успокоить.

Она закрыла дверь за вышедшим Алексеем Ивановичем, подошла к своему гостю и робко села рядом с ним в кресло.

— Ну, что с вами, Евгений Семенович? Успокойтесь, ради Бога. Покажите мне, что это вы положили в стакан? Мне показалось, что это какой-то браслет. Чего вы опустили голову? Что вы

на меня так смотрите? Не понимаю, что со мной случилось... этот свет и женщина... Да мне все это, верно, показалось... Вы ужасно закурили сигарами, я была, как в чадуге... Ну, расскажите, что с вами? Что вас так беспокоит, и почему вы смотрите на меня такими странными глазами? После долгих увещаний Ольги Платоновны Евгений Семенович как будто немного успокоился.

— Благодарю вас за внимание, Ольга Платоновна. Извините, что я невольно причинил вам столько хлопот, но то, что здесь случилось, меня чрезвычайно беспокоит.

— Неужели я вас так напугала? Это все ваши сигары виноваты. Простите меня.

— Виноват я, Ольга Платоновна, и сигары тут ни при чем. Господи, что я наделал!..

— Ну, не волнуйтесь, ради Бога.

— Вы не понимаете, Ольга Платоновна, что сейчас произошло. То, что вы видели — этот свет и эта девушка — вам не показалось... Вы это действительно видели. Танцевали не вы, а девушка, которая временно завладела вашим телом.

— Что? Завладела моим телом? Господи, что вы говорите!

Ольга Платоновна отодвинулась от Евгения Семеновича.

— Не бойтесь, — больше ничего не случится, а если что и будет, то, конечно, не здесь.

— Да что вы, Бог с вами... Я позову Лешу... Я боюсь...

— Погодите немного.

— Ну так объясните, пожалуйста, в чем дело. Впрочем, лучше я позову мужа.

— Послушай, Леша, что говорит Евгений Семенович, — сказала она мужу, открывая дверь. — Мне даже страшно становится.

— Мне кажется, что у нас сегодня произошло что-то более чем странное, — проговорил Алексей Иванович, входя в кабинет.

— Пусть Евгений Семенович нам все объяснит. Ему самому легче будет. Садись на диван рядом со мной, Леша, и не кури своих сигар. Нечего хмуриться. Покажите-ка мне ваш браслет, Евгений Семенович, и рассказывайте.

Евгений Семенович достал из кармана браслет и передал его Ольге Платоновне. Потом, подумав немного, он спросил:

— Скажите, знаете вы Пильмана, старьевщика?

— Нет, не знаю.

— Этот браслет я купил у него.

III

— Лавка Пильмана находится в одном из переулков, выходящих на Вознесенский проспект.

Чего только в ней нет: старая бронза, скатанные ковры, оружие всех сортов, разная мелкая мебель, фарфоровые вазы, старинные картины, разрозненные сервизы, гравюры, куски яркого шелка — все перемешано, свалено в кучи или разложено по отдельным столам.

В глубине лавки, в углу, стоит железный нескораемый шкаф, а перед ним — стол, за которым занимается хозяин.

Пильмана считают евреем. На самом ли деле он еврей — неизвестно; он скорее походит на грека или индуса и имеет такой вид, что никто не определил бы наверняка его национальности.

Зимой Пильман все дни проводит в лавке, а летом куда-то уезжает. Говорят, что он ездит скупать вещи.

Все любители старинных вещей в Петербурге знают лавку Пильмана. Всем известно, что он умеет угодить покупателю. Пильман помнит историю каждой продаваемой вещи, рассказывает ее посетителю, и редко бывает, чтобы зашедший к нему уходил с пустыми руками. Старьевщик знает толк в вещах, а еще лучше знает человеческое сердце. Если какому-нибудь любителю нужно купить что-нибудь редкое для подарка — он идет к Пильману, уверенный, что купленная вещь понравится тому, кому она предназначена.

Хотя Пильман, по-видимому, торгует только старинными вещами и редкостями, но на самом деле он продает лучшие драгоценные камни, и интересные камни можно найти только у него. Почти все они старинной грани и редкой формы. Откуда они к нему попадают — никто не знает, да и не спрашивает.

Нельзя, однако, поручиться, что придя в лавку Пильмана для покупки камней, их непременно увидишь и приобретешь то, что нужно.

Пильман продает только то, что хочет, а не то, что у него намеревались купить. По первому взгляду на вошедшего в лавку покупателя он уже создает о нем свое мнение, а в разговоре с ним — определяет характер вещи, которую нужно показать, чтобы удовлетворить его желание. Иногда он отказывается показывать драгоценные вещи, ссылаясь на то, что они все распроданы. Это случается, когда покупатель ему почему-либо не нравится. Если же посетитель лавки, по определению Пильмана, знает толк в камнях и любит их, то открывается железный шкаф, и оттуда выкладываются скрытые в нем старинные браслеты, кольца, ожерелья и отдельные драгоценные камни. Несмотря, однако, на громадный выбор камней и украшений, у него никто никогда не видал ни одной жемчужины — он их не любит и не держит в лавке.

— Зашел как-то к Пильману и я, — рассказывал Евгений Семенович, — и почему-то сразу ему понравился. Шкап открылся, и на столе заблестели положенные на отдельные тарелочки камни всех цветов. Не было только брильянтов, рубинов и, конечно, неприятных хозяину жемчугов.

Осмотрев внимательно камни, я обратился к Пильману:

— Камни очень хороши, Пильман, но мне хотелось бы купить или нитку жемчуга, или хороший брильянт. Только старый. В старину гранильщики знали, как надо шлифовать камни, — правда?

— Правда, господин, но почему ты хочешь купить жемчуг? Ведь жемчуг — слезы. Зачем тебе слезы? Ты купи то, что я тебе покажу. Перед Богом говорю — не покупай жемчуга. Разве ты не слышал, что он приносит несчастье? Я не хочу, чтобы твоя милая умерла. Вот смотри, вся лавка в твоём распоряжении — выбирай, что хочешь. А может быть, тебе и в самом деле нужен старый брильянт?

Тут Пильман остановился, а потом шепотом добавил:

— Ты знаешь, он светится и в темноте. Вот, бери, гляди, держи его так. Ты умеешь обращаться с камнями. Вах, вах, кто научил тебя этому? Я тридцать лет сижу в лавке и вижу в первый раз, чтобы покупатель знал настоящий толк в камнях и

умел с ними обращаться. Извини, господин, я всегда говорю правду. Бери этот камень — видишь, как он сверкает? Или вот этот; он, правда, желтоват, но зато какая игра! Что скажешь, господин? Не нравится? Уф, ну я покажу тебе камни, какие я редко показываю.

Пильман достал из шкапа коробочку и высыпал из нее на блюдце разные камни и кольца, а потом обратился ко мне:

— Что, хороши? Звезды, а не камни. А эти рубины? Кровь, настоящая кровь Стар я, господин, силы ушли от меня, а как взгляну на эти камни, так и помолодею. Посмотри на меня: мое лицо в морщинах, руки совсем высохли, нет у меня сил, а клянусь тебе, что взглянув на камни, я ожил — меня помолодил цвет этих рубинов. Что, по-твоему, лучше, господин: этот рубин или этот брильянт? Оба горят и оба светятся. Ну, конечно, рубин. Вот это камни. Смотри, как горит рубин. Вот он — огонь любви. Гляди на это кольцо. Видишь, как сверкает? Рубин — это женщина, а рядом блестит брильянт — это ее возлюбленный. Как он играет и переливается всеми цветами! Смотри, как красный цвет рубина отражается в нем. Поверни кольцо, вот так. Видишь, брильянт покраснел, в нем зажглись красные огни, он весь загорелся — он горит любовью. Вот она, душа камней, — понял, господин? Да, в любви нет законов — все правила и

запреты сгорают в ее пламени, как солома. От любви брильянт сделался красным, а рубин засверкал, как звезда, — все перепуталось, все смешала любовь. Вот это драгоценные камни, а не те, что лежат на блюде. Впрочем, для непонимающих те тоже драгоценны. Смотри, вот сапфир. Ну, что в нем? Синее стекло, а это лучший из сапфиров, которые я знаю. Где у него душа? Шлифовка хорошая, он сделан хорошо — верх круглый, пузатый, совсем как брюхо муллы, а блеск холодный... Зато важности сколько — совсем как у муллы. Положи его, господин, — не стоит на него смотреть. Ну, а этот изумруд? Ну, что в нем? Правда, он горит, как горят глаза змеи. А что в них хорошего? Все это дрянь, все это стекло, а не камни. Я вижу, ты глядишь на браслет. Ну, что ты нашел в нем хорошего? Ведь в нем камня нет. Интересный браслет, господин. О, я вижу, ты знаешь толк в вещах.

Пильман умолк и, взяв браслет в руки, стал его рассматривать.

— Браслет, как видишь, золотой, в виде скобы, весь испещренный иероглифическими надписями, расположенными вокруг большого голубого камня вроде бирюзы. Посмотри на камень, господин. Это не бирюза, это — старинная египетская мастика, а браслет дутый, пустой, как и теперь иногда делают. Надень его на руку. Вот так,

выше. Теперь подыши на него. Дыши на камень. Подольше... Согрей его еще... еще... Ну, теперь хорошо. Гляди теперь на камень. Видишь, на нем появилось женское лицо?

— Да, вижу.

— А ты слышишь запах от браслета?

— Да, он пахнет какой-то смолой.

— Это — редкая вещь, господин. Я его не продаю. Такого браслета ты нигде не найдешь. Ты любишь редкие вещи — я вижу, у тебя и глаза заблестели. Ну, хорошо, я тебе его, пожалуй, продам, если дашь, сколько за него спрошу. Согласен? Эх, жалко мне с ним расставаться.

Пильман взглянул на браслет, потом взвесил его на руке и назначил за него такую цену, как будто мастика была драгоценным камнем.

— Да вы с ума сошли! — воскликнул я.

— Есть деньги — бери, а нет — не надо. Я не торгуюсь, — и с этими словами Пильман положил браслет в карман и стал быстро собирать разложенные на столе камни и другие вещи и укладывать их в шкаф.

Браслет меня настолько заинтересовал, что, подумав немного, я заявил старьевщику, что покупаю браслет.

— Я знал, что ты его купишь, господин; редкий браслет; второго такого нет. Я его купил вместе с другими вещами в Риме у одного

разорившегося знатного юноши. Ты удивляешься и не веришь? Ну, где я только ни бывал, господин... Стар я... Слушай, что я тебе скажу. Ты еще молод, а уже знаешь толк в вещах. Ты очень хорошо сделал, что купил браслет. Ты улыбаешься, ты думаешь про себя: «все врет, старый жид», а я и не жид, господин, — нет. Слушай, если ты разберешь вырезанную на браслете надпись и сумеешь ею воспользоваться, то сам увидишь, что недорого дал за браслет. А надпись ты разберешь — ты знаешь толк в вещах. Не хотел я продавать браслет, а продал. Вот как бывает в торговле. Моя первая жена никогда не расставалась с этим браслетом, она его носила на левой руке. Она его считала священным. Она, знаешь, почти разобрала надпись, но умерла, бедная... Алла, Алла, давно это было... Если тебе браслет не понравится, то верни его через месяц или два — я возьму его обратно с маленькой скидкой. Это говорю я — Аджи Абдураман, а не Пильман, как меня здесь называют. Заходи ко мне почаще в лавку — у меня много интересных вещей. Редкую вещь купил ты, господин, а хотел купить жемчуг. Ну, что жемчуг? Слезы, а браслет... гм... До свиданья, господин.

IV

«Надо показать эту надпись какому-нибудь египтологу и попросить перевести ее на русский язык. Это самое простое, а разгадать ее значение будет, конечно, мое дело», — думал я, возвращаясь от старьевщика.

Дома я прошел в кабинет, уселся к столу, вооружился увеличительным стеклом и стал срисовывать вырезанные на браслете иероглифы.

Мне очень долго пришлось возиться с рисунком — многие знаки были почти стерты, — но все, что можно было разобрать, было тщательно занесено мною на бумагу.

Окончив рисунок, я спрятал его вместе с браслетом в стол и отправился к приятелю сообщить ему об интересном приобретении.

Приятель мой, большой скептик, — конечно, поднял меня на смех.

— Пильман тебя просто надул. Он заинтересовал тебя рассказом о надписи и о жене, а раньше, конечно, наговорил чего-нибудь — ты и попался. Ведь всем известно, что Пильман действует на покупателей гипнозом. Это — самый обыкновенный браслет. Их делают сотнями в Тунисе для местных женщин. Вместо бирюзы вставлен кусок голубого шлифованного стекла, на котором при дыхании, как на магических

зеркала, — которые — знаешь, — продают для детей, — появляется какое-нибудь изображение. Неужели ты этого не знал? А еще коллекционер! Денег девать тебе некуда. Пойди, отдай браслет Пильману, да в другой раз не будь таким наивным, не слушай его болтовни.

Своими объяснениями и дальнейшими разговорами приятель совершенно разочаровал меня в покупке.

«Ну уж и Пильман, ловко меня заговорил, — думал я, возвращаясь к себе. — Завтра же верну браслет и выругаю старого мошенника. Сколько раз давал себе слово не покупать старья, а как увижу что-нибудь мало-мальски интересное, так и готов — забуду всякую осторожность и попадусь. Обязательно верну браслет, хотя сразу и неудобно. Ну, да все равно, стесняться нечего».

С таким решением я подошел к дверям своей квартиры и вошел в переднюю.

В ней пахло какими-то бранными духами.

— Был кто-нибудь? — спросил я лакея.

— Никого не было.

— Никого? Ну хорошо, дай чаю.

Я прошел в кабинет — здесь запах духов был сильнее, — подошел к столу, достал браслет и стал его рассматривать.

«Вот это чем пахнет», — подумал я и несколько раздохнул на камень. Потом я подумал,

что было бы хорошо нагреть его для усиления запаха, и сначала подержал браслет над стаканом горячего чая, а затем опустил наполовину прямо в стакан.

Издаваемый браслетом запах стал удушливым.

На камне появилась резко очерченная женская головка с нахмуренными бровями; глаза ее зло смотрели на меня.

Я вздрогнул и положил браслет на стол.

Взяв бумагу, я начал на память зарисовывать лицо и думал набросать его в несколько минут. Но, несмотря на все старания, ничего не выходило.

«Надо срисовать с натуры, — это вернее», — подумал я и положил браслет перед собой. Взглянув на камень, я удивился — глаза смотрели на меня приветливо.

Я протер себе глаза и, взглянув еще раз на камень, увидел, что на лице девушки появилась улыбка. Сначала я остолбенел, а потом схватил карандаш, чтобы рисовать, но изображение на камне пропало.

«Ну, нет, браслета я Пильману не верну — интересная штука; это не детское зеркало, как говорит Андрей. Не могу представить себе, однако, в чем тут дело? Если это и фокус вроде зеркала, то он хорошо сделан. А перемена в выражении лица? До чего додумались люди! Право, не жалко и денег.

И хитер же Пильман! Надо, однако, кончить рисунок».

Взяв в руку браслет, я опустил его в теплый чай так, что камень остался вне жидкости и, выжидая появление лица, стал опять рисовать иероглифы.

Вскоре на камне снова появилась женская головка. Она приняла суровое выражение, брови ее нахмурились, губы зашевелились. Но вот она пропала. От камня пошел какой-то голубой блеск, какое-то бледное сияние поднялось кверху, и я увидел в нем просвечивавшую женскую фигуру в странной одежде. Лицо ее было прекрасно. В комнате стало душно: казалось, от видения шел сильный зной; дышать было нечем.

Видение заговорило, но я разобрал только слова: «туай... анх... туай... анх...» — и погрузился в дремотное состояние, успев, однако, вынуть браслет из стакана.

Я очнулся не скоро.

Скользнув взглядом по письменному столу, я взглянул на браслет. Он был таким же, каким я купил его у Пильмана, только в середине камня виднелось розовое пятнышко. Оно приходилось как раз на том месте, где была щека появившегося на камне лица.

«Это Бог знает что такое. Лучше оставить браслет и лечь спать».